

Он очень хотел разозлиться, но, глядя на него, не смог.

С тех пор как Лу Яньсюань вернулся из туалета, Тун Ли казался себе странным. Тот всё время держал лицо каменным, не смотрел на него, а если Тун Ли пытался заговорить, отвечал лишь холодным «угу». В самолёте Тун Ли, проявив благоразумие, перестал докучать ему болтовнёй и тихо лежал на своём месте. Всю дорогу они провели в полном молчании.

Как только они сошли с трапа, Лу Яньсюань включил телефон, который был выключен шесть дней. На том конце провода тут же разразилась яростная брань. Тун Ли, шедший рядом, отчётливо слышал рык отца Лу Яньсюаня.

— Лу Яньсюань, ты где, чёрт возьми, пропадал все эти дни?!

— Из-за тебя помолвка была временно отменена. Ты хоть знаешь, как расстроена госпожа Е?

— Что за чушь ты написал в сообщении?! Если я узнаю, кто эта девица, я сначала прикончу её, а потом покалечу тебя!

— Лу Яньсюань, я тебе вот что скажу: я никогда не лез в твою жизнь, но на этот раз ты обязан меня послушать!

...

...

— Да у меня на таких, как она, даже не встанет, а ты хочешь, чтобы я на ней женился? Тьфу!

Лу Яньсюань сбросил вызов. На тыльной стороне ладони, сжимавшей телефон, вздулись вены. Он уже занёс руку, чтобы с размаху разбить аппарат о землю, но тонкая ладонь внезапно перехватила его запястье. Обернувшись, он увидел обеспокоенный взгляд Тун Ли, в котором, казалось, что-то мерцало.

— Испугался? — тон Лу Яньсюаня стал мягче.

Тун Ли покачал головой и, притворившись, что всё в порядке, улыбнулся:

— Может... ты вернёшься и всё объяснишь отцу?

Лу Яньсюань тяжело вздохнул, убрал телефон и сжал руку Тун Ли в ответ:

— Объяснять нечего. Пошли, я отвезу тебя домой.

Машина ехала по дороге. В зеркале заднего вида Тун Ли видел холодное, как лёд, лицо Лу Яньсюаня.

— В ближайшие дни не приходи в особняк Лу, лучше отсидись дома и отдохни.

Тун Ли крепче вцепился в ремень безопасности.

— Хорошо.

Он оказался прав: Лу Яньсюань интересовался им лишь из любопытства. Как только интерес угаснет, он, естественно, перестанет выходить на связь.

Машина остановилась в пятистах метрах от дома Тун Ли. Тот только вышел из салона и хотел попрощаться, но не успел даже вытащить руку из рукава, как автомобиль резко развернулся и умчался прочь на предельной скорости.

Поднятая пыль заставила Тун Ли зажмуриться. Когда она осела, белого силуэта и след простыл. Тун Ли насмешливо улыбнулся самому себе — всё-таки он был слишком жадным.

Вернувшись домой, он обнаружил, что по-прежнему один. Воспоминания о шести днях стояли перед глазами, как яркие слайды. Тун Ли взял кисть и стал переносить на бумагу всё то прекрасное, что было в эти дни. Обычно художникам нужны натурщики, но Тун Ли стоило один раз что-то увидеть, как сцена навсегда запечатлевалась в его памяти.

Главная резиденция семьи Лу.

За массивными дубовыми дверями в европейском стиле смутно слышались удары кнута. Эйви вывел Лу Яньсюаня из дома под руки. Белая рубашка пропиталась кровью, сквозь порванную ткань виднелись страшные багровые полосы.

— Молодой господин, скорее наденьте куртку, я отвезу вас домой.

Эйви накинул на него верхнюю одежду, его утончённое лицо выражало искреннюю тревогу.

— Старый господин действительно жесток, как он только смог поднять руку. Не говоря уже о другом, эта госпожа Е старше вас на целых два года. — Эйви застегнул молнию и помог ему сесть в машину.

Лу Юаньли пригласил высокопоставленных гостей на церемонию помолвки, но Лу Яньсюань

исчез накануне, из-за чего отец потерял лицо и был вынужден в спешке всё отменить. Узнав, что сын вернулся, Лу Юаньли без лишних слов приказал доставить его в особняк и подвергнуть семейному наказанию. Госпожа Е Сюэвэй была дочерью владельцев корпорации Е, одной из самых влиятельных в городе Б. Союз с ними означал бы несомненное укрепление позиций семьи Лу.

— Молодой господин, нужно ли сообщить Тун Ли? — Эйви прекрасно понимал, сколько тот значит для Лу Яньсюаня.

Он видел, как рос Лу Яньсюань, и никогда не замечал его таким счастливым, как рядом с Тун Ли. Эти удары отца прикуют Лу Яньсюаня к постели минимум на полмесяца, и если бы Тун Ли мог его навещать, было бы куда лучше.

— Не надо. — Вид за окном расплывался. Лоб Лу Яньсюаня покрылся испариной, и когда его дрожащая рука коснулась тёмного стекла, ему показалось, что он видит улыбающееся лицо Тун Ли.

Прошло несколько дней, а вестей от Лу Яньсюаня всё не было. Тун Ли часто сидел, уставившись в экран телефона, ожидая, когда на синем фоне появится новое сообщение.

— Дзинь!

Посреди ночи телефон на прикроватной тумбочке издал звук. Тун Ли выскочил из-под одеяла и дрожащими пальцами открыл уведомление:

— Уважаемый клиент, компания Хуася Коммуникейшнс сообщает: ваш...

В тесной холодной комнате после долгой тишины повис протяжный, полный отчаяния вздох. Тун Ли погасил экран и снова залез под одеяло, но сон не шёл.

Посреди ночи он встал, чтобы сходить в туалет. В коридоре горел свет, и капля крови на дверной ручке комнаты Тун Пинчуаня выглядела пугающе ярко. Тун Ли коснулся засохшего пятна, и в груди словно провернулся ледяной кинжал. Неужели, пока он был в Личэне, Тун Пинчуань возвращался?

Тун Ли подёргал ручку, но дверь была заперта. Каждый раз, уходя, Тун Пинчуань запирает её, словно внутри было что-то постыдное. Что он скрывал? Что такого, чего нельзя было видеть Тун Ли?

Тун Ли нашел инструменты и неумело, но яростно принялся взламывать замок.

— Бах!

— Бах!

— Скрежет...

Замок поддался. Тун Ли осторожно толкнул дверь и вошёл внутрь.

Из глубины тёмного, бесконечного переулка внезапно донёсся душераздирающий крик юноши.

Тучи разошлись, и серебристый лунный свет упал на дрожащую спину Тун Ли, заставляя его серую тень на кафельном полу тоже мелко подрагивать. Вместе с ним луна осветила корзину для бумаг, которую он опрокинул, входя, и бесчисленное множество салфеток.

Окровавленные комки бумаги, ярко-красные на ослепительно белом фоне, окружали Тун Ли, и от этого зрелища слёзы градом покатались из его глаз.

— Неужели... всё так плохо?..

Тун Ли обхватил себя руками, его тело сотрясала крупная дрожь. Холод пола пробирал до костей, а в ушах, казалось, шептали призраки:

— Это всё из-за тебя. Если бы ты не появился на свет, Тун Пинчуань не был бы таким.

— Теперь ты доволен? Этот человек, который так мучил тебя, скоро уйдёт от нас, и ты останешься один, в полном покое...

— Тц-тц-тц, какой жалкий. Посмотри, что ты наделал.

— Убирайтесь...

— Убирайтесь!!!

— Убирайтесь!!!

Тун Ли, спотыкаясь, вбежал в свою комнату и рухнул на пол, разбив нос до крови.

— Тун Пинчуань, твою ж... вернись!

Вернись!!!

Вернись ко мне!!!

Дрожащими руками он набрал номер Тун Пинчуаня. В трубке прозвучал отказ — его внесли в чёрный список.

Глаза застилала пелена слёз. Тун Ли вытер их рукавом и позвонил напрямую в Умэй Жэньцзянь.

— Алло... здравствуйте, вам нужна помощь?

Тун Ли так сильно прикусил губу, что потекла кровь, и наконец выдавил:

— Скажите Тун Пинчуаню, что его сын Тун Ли попал в аварию... его сбила машина, он без сознания, денег на больницу нет, его принесли домой. Пусть немедленно возвращается!

— Что... что?

Слёзы хлынули с новой силой. Тун Ли успел нажать кнопку сброса, прежде чем разрыдаться в голос. Телефон выпал из его тонких пальцев и глухо ударился об пол. Только после этого звонка он понял, что руки трясутся так сильно, что он не может даже держать аппарат.

— Тун Пинчуань, если ты не вернёшься, я правда умру у тебя на глазах...

Тун Ли разгребал окровавленные салфетки, и в памяти всплывал кашель, который он так часто слышал за дверью Тун Пинчуаня. Теперь этот звук бесконечно усиливался, отдавался в голове и во всём теле.

Умэй Жэньцзянь находился в центре города, от дома Тун Ли до него было сорок минут езды. Однако уже через тридцать минут после звонка в замке заскрежетал ключ.

— Сяо Ли...

В голосе Тун Пинчуаня слышались хриплые рыдания. Тун Ли впервые осознал, что голос Тун Пинчуаня может быть таким приятным. Он сидел в обнимку с кровавыми салфетками у изголовья кровати, слёзы, казалось, иссякли, и он впился взглядом в дверной проём.

Тун Пинчуань, пошатываясь, ворвался в комнату, но не увидел сына. Его взгляд упал на

открытую дверь его собственной спальни, где на полу валялись молоток и зубило. В одно мгновение кровь ударила ему в голову, глаза налились красным, и он в ярости бросился туда.

— Сяо Ли? — в тёмной комнате единственным источником света была луна.

В пятнистых тенях Тун Пинчуань увидел Тун Ли, свернувшегося калачиком у его кровати с окровавленными салфетками в руках.

Тун Пинчуань застыл на месте, его худое тело пошатнулось, и он прислонился к стене. В темноте никто не решался включить свет.

— Вернулся? — Тун Ли всё ещё сжимал в руках окровавленные комки. Когда он поднялся, они рассыпались по полу с тихим шелестом.

— Ты... — в зрачках Тун Пинчуаня промелькнул запоздалый холод, и голос снова стал привычно резким. — Обманул меня?

— Иначе как бы ты вернулся?

Ты заблокировал меня, не брал трубку, не отвечал на сообщения и не приходил домой. Хорошо, что тебе всё ещё нужен сын...

Тун Ли медленно подошёл к нему. Тун Пинчуань уставился на кровавые салфетки, словно клоун, чья ложь была разоблачена, и невольно попятился.

— Паршивец, да как ты посмел вскрыть мою комнату? Кто позволил?!

Руки Тун Пинчуаня, спрятанные за спиной, дрожали.

Тун Ли швырнул в него окровавленные салфетки:

— Долго ты ещё собирался скрывать это от меня? До самой смерти? А?!

— Это... — Тун Пинчуань попытался сохранить спокойствие. — У тебя мозги набекрень? Так хочешь моей смерти? Эти салфетки... я просто повредил палец, когда учил тебя уму-разуму в Умэй Жэньцзянь!

Он был уверен, что его ложь безупречна. В тот день, когда Тун Ли пришёл в ночной клуб и при клиентах обвинил его в ВИЧ, Тун Пинчуань запер его в комнате и со злости бил ногами по

стене, пока не разбил пальцы в кровь.

— Не смей мне тут фантазировать всякую чушь! Со мной всё в порядке!

Тун Пинчуань испугался, что если останется здесь, то выложит всё как есть, и развернулся, чтобы уйти:

— Чёрт, и как я только родил такого никчёмного...

Раздался глухой удар — Тун Ли преградил ему путь, прижавшись телом к двери. В комнате зажёгся свет, и лицо Тун Пинчуаня под яркими лампами показалось болезненно бледным, даже косметика не могла этого скрыть.

— А это тогда что?! — Тун Ли швырнул ему в лицо бланк медицинского анализа.

— Ты...

Тун Пинчуань посмотрел на бумагу, которая, покачиваясь, упала на пол, и прочитал содержимое. Сердце в этот миг словно вырвали из груди.

Сяо Ли всё-таки узнал...

Словно вор, пойманный с поличным, Тун Пинчуань весь задрожал, внезапно оттолкнул Тун Ли и бросился прочь.

— Мама!

Тун Ли вцепился в его ноги, рухнул на колени и крепко обхватил их руками:

— Не уходи, пожалуйста... Умоляю, не уходи... Мама... не оставляй меня, у меня остался только ты...

— Умоляю...

— Не бросай меня снова, мне так страшно, мне правда очень страшно.

Тун Пинчуань, держась за дверную ручку, стоял спиной к свету, и две горячие слезы скатились из его глаз. Сколько лет Сяо Ли не называл его мамой? Десять? Пятнадцать?

— Мама... давай поедem в больницу, хорошо? Я буду рядом. Я занял у однокурсника два

миллиона, этих денег хватит на лечение.

Тун Пинчуань перестал пытаться вырваться, но Тун Ли не разжимал рук. Он боялся, что если отпустит, Тун Пинчуань исчезнет прямо у него на глазах и никогда не вернётся. В воздухе разлилось странное, щемящее чувство; невидимая стена, разделявшая мать и сына больше десяти лет, казалось, начала медленно таять.

— Сяо Ли...

Тун Пинчуань опустил на корточки, сосуды в его теле, казалось, были переполнены болью. Впервые он развёл руки и обнял Тун Ли.

Тёплая ладонь Тун Пинчуаня мягко гладила тонкие, мягкие волосы сына. Только прижав его к себе, он внезапно осознал, что тот мальчишка, который когда-то помещался на его ладони, вырос таким большим.

— Поедем в больницу... я буду рядом.

Тун Ли послушно лежал в объятиях матери, жадно вдыхая запах табака и алкоголя. Объятия Тун Пинчуаня были тесными и колючими, но это не имело значения — по крайней мере, в них было место для него.

— Почему ты так легко одет? Не холодно?

На улице была зима, а на Тун Ли была лишь тонкая рубашка. Тун Пинчуань, казалось, не мог надышаться сыном, он нежно гладил его волосы, затем шею...

Шею?

Взгляд Тун Пинчуаня, только что ставший мягким, внезапно налился кровью, стоило ему заметить бледно-розовый след на шее сына! Проработав в этой индустрии столько лет, как он мог не знать, что означают эти отметины?

— Что это такое?!

Тун Пинчуань рывком оттянул воротник рубашки Тун Ли, как разъярённый зверь, с треском разорвав ткань. Под одеждой виднелось ещё несколько красных пятен! Обычно такие следы проходят за три-четыре дня, но если сосать слишком сильно, они не исчезнут и через неделю...

Тун Ли словно очнулся от сна и в ужасе прикрыл шею, глядя на Тун Пинчуаня испуганными глазами, полными слёз:

— Мама, послушай, я объясню, я...

— Хлесь! — пощёчина пришлась по лицу Тун Ли, но боль отозвалась в сердце Тун Пинчуаня.

— Ах ты гадёныш! Я запрещала тебе идти на панель, а ты всё равно пошёл?! Откуда два миллиона? Однокурсник занял? Ты их занял или своим телом заработал?!

Тун Пинчуань тяжело дышал, его худое тело вздрагивало. Казалось, плотина вот-вот прорвётся, и тот нежный человек, что только что обнимал сына, исчез.

— Мама, всё не так, он хорошо ко мне относится... и я пил контрацептивы, правда пил, ничего не будет, я больше не буду, ты...

— Низкая тварь!

Ещё одна пощёчина. Он оплачивал учёбу Тун Ли, копил деньги на университет — всё ради того, чтобы сын не пошёл по его стопам. Но почему... почему то, чего он так боялся, всё-таки случилось? Если бы контрацептивы и abortивные средства помогали таким уродам, как они, Тун Ли никогда бы не появился на свет!

— Я родился у тебя, конечно, я низкий! Твой низкий сын продал своё тело, чтобы продлить твою никчёмную жизнь, разве это плохо?!

Раз уж правда вскрылась, Тун Ли больше не собирался скрываться. Он, пошатываясь, встал и встретился взглядом с Тун Пинчуанем.

— Ты пошёл на панель — значит, ты хочешь моей смерти!

Тун Ли хотел снова обнять мать, но Тун Пинчуань оттолкнул его.

— Мама, я...

Тун Ли снова потянулся к нему, но Тун Пинчуань схватил его за волосы и поволок в угол комнаты. Он окончательно сошёл с ума. В этот раз он не бил стену — он пинал Тун Ли ногами, бил подошвой обуви, вцепившись в волосы.

— Я кормила тебя не для того, чтобы ты торговал собой!

— Твою мать, ты пропустил мои слова мимо ушей! Даже если я умру, я тебе этого не прощу!

— Как я могла родить такого никчёмного выродка!

...

...

Кровь брызнула на лицо Тун Пинчуаня, и только тогда он перестал наносить удары. Тун Ли, свернувшийся в углу, с самого начала не издал ни звука, лишь ощущая острую боль в каждой части тела.

Тун Ли понимал, почему Тун Пинчуань так взбесился. В его глазах будущее сына было важнее собственной жизни: пусть он сам был падшим, лишь бы сын оставался чистым. Но Тун Пинчуань не знал, что для Тун Ли его жизнь была важнее всего на свете.

— Напиался? — донёсся тяжёлый хрип мужчины, видимо, он выдохся. — Если устал, поехали в больницу...

Тун Ли тихо убрал руки, которыми прикрывал голову, и попытался встать, но понял, что его избитое тело совсем обесилело.

— Тун Ли, у меня нет такого сына, как ты!

Тун Ли тупо смотрел, как в налитых кровью глазах Тун Пинчуаня гнев, печаль и беспомощность сменяются холодным, решительным безразличием. В конце концов, он просто развернулся и ушёл, оставив искалеченного Тун Ли в комнате, даже не оглянувшись.

— Не уходи... прошу... — в горле Тун Ли словно застрял ком, казалось, даже силы говорить исчезали.

Не уходи!

Не уходи.

Не оставляй меня...

Тело, не слушаясь, рухнуло на жёсткий пол, зрение затуманилось, и всё вокруг начало тонуть в темноте.

Когда Тун Ли пришёл в себя, он лежал на больничной койке. Медсестра поставила ему капельницу, обработала раны и сказала, что его принёс какой-то худой мужчина, который сразу после оплаты счетов ушёл.

Тун Ли, как безумный, бросился вон из палаты.

<http://bllate.org/book/22277/2332189>